

курс] / Е. Н. Абрамова [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. — М.: Проспект, 2011. — 392 с. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2016.

3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) [Электронный ресурс] / Т. Е. Абова [и др.]; под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланаова. — М.: Юрайт, 2004. — 486 с. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2016.

4. Rome II Regulation. Pocket commentary / ed. P. Huber. — München: Sellier European Law Publishers, 2011. — 470 p.

5. Chong, A. Choice of Law for Unjust Enrichment / Restitution and the Rome II Regulation / A. Chong // The int. and comp. law quart. — 2008. — Vol. 57. — P. 863–898.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА

В. Н. Матарас, к. ю. н., доцент кафедры теории и истории государства и права БГУ

Обращаясь к истории понятия суверенитета, необходимо отметить, что оно не было постоянным и не оставалось неизменным в историческом времени. Теория суверенитета, созданная в борьбе светской и религиозной властей в западном мире, трансформировалась в силу динамических процессов, происходящих в этом мире. Понятие «суверенитет», употреблявшееся в смысле «высшая власть» при переходе западного мира в иной исторический период, дало начало светской теории суверенной власти. Потом в этом же мире поставили вопрос об источнике суверенной власти. Так в юридической литературе возникла теория, охватывающая три вида суверенитета: народный, национальный и государственный. Представляется весьма любопытным, что свойства монархического суверенитета, которые вначале присваивались монарху, были перенесены на народ и утверждали уже его суверенитет. Власть монарха рассматривалась как самостоятельная внутри и независимая вовне. Менялся субъект с папы на императора или короля, а затем на народ, но характеристики суверенитета утверждались старые: как единого, неделимого, неограниченного и неотчуждаемого. Эти характеристики доминировали и доминируют в научной литературе независимо от времени. Появление концепта национального государства в Западной Европе

в XIX в. способствовало и утверждению такого понятия суверенитета, как независимого извне. В результате строительство национального государства как уникальный опыт XIX в. для западного мира стали переносить на все народы и государства. Такая теория могла быть чем угодно, но не наукой [1, с. 400]. Попытки освободить теорию суверенитета от нормативно-политического понимания ни к чему не привели.

На наш взгляд, чтобы понять власть и суверенитет, необходимо обратиться к методу естественных наук — к эмпирическим фактам. Создавать анализ сущностных характеристик понятия «суверенитет» на материале тех концепций, в которых оно было сформулировано в XVII—XVIII вв. [2, с. 13]. Это, во-первых, находится в логике мыслей тех авторов, которые в это время жили и работали; во-вторых, переносит понятия XXI в. на XVII—XVIII вв. или наоборот; в-третьих, концепты суверенитета не всегда имели отношение к реальной действительности, а отражали политические запросы того времени; в-четвертых, данные концепты власти и суверенитета развивались в рамках западного мира и базировались на своеобразном опыте социально-исторической и политической истории этого мира.

В своем труде «О государстве» Ж. Боден разъяснял суверенитет как «власть над государством, абсолютную и постоянную, в варианте же латинском объявил о существовании в государстве высшей свободной от законов власти над гражданами и подданными» [3, с. 11]. Идея неделимости стала его важным вкладом в партийную пропаганду своих идей перед королевской властью, где высшая политика есть неоспоримое преимущество короля [4, с. 149]. Это определение отвечало политическим задачам Франции XVI в., но не отвечало фактическому положению дел и потому спорно в научном плане. В науке постоянные ссылки на данное положение Ж. Бодена вызывают только нетворческое топтание на месте.

Вопрос о власти и суверенитете — сложный вопрос. Отсюда сложность в научном определении власти и суверенитета, имеющего реальную привязку ко времени и территории, т. е. социокультурному миру. А различные феномены предполагают и различные концепты. Поскольку речь идет о власти и государстве в определенном стадийном цикле, то закономерен вопрос — как функционирует власть и как с ней коррелирует суверенитет. Как подсистема этносоциума (консорция), развиваясь и усложняясь, иногда создает государство, которое входит в суперсистему государств, или создает государство-мир [1, с. 411], и как большие сложносоставные системы, включав-

шие затем в себя несколько народов и государств, осуществляют жизнедеятельность и функционируют?

Во времени и пространстве происходит изменение объема и силы власти в этносоциуме, с проявлениями извне и внутри. Имея дело с идеей, теоретик-правовед пытается рационализировать динамичную действительность, хотя бы ее практическое применение пошло прахом [5, с. 13]. Для современника непосредственное наблюдение — почти всегда иллюзия, и как только кругозор расширяется [6, с. 31], это видно. Когда Г. Еллинек утверждает, что «в развитом государстве, при нормальных условиях, она (воля, руководящая обществом) всегда имеет характер правовой» [7, с. 315], он подразумевает именно этот временной момент.

При напряжении в этносоциуме всегда образуются иерархия и различного характера единицы властвования. Создается определенная устойчивая система отношений, находящаяся в состоянии неравновесия. Но природа власти такова, что в темпоральной системе власть между социальными властями всегда существует в виде иерархии. И в зависимости от структуры системных связей всегда будет центр и периферия, точка доминирования. И при всей иерархичности система власти, природа этносоциума требует некоторого высшего члена иерархии. И в группе государств всегда будет *suprema potestas*, где есть высшая власть и ее ядро. Это всегда сложное взаимодействие ее элементов, составляющих суверенитет. «Суверенитет, — указывал Н. Н. Алексеев, — есть некоторое особое положение элементов сложного социального отношения... идея суверенитета включает в себя идею сравнения, идею соотносительности» [8, с. 182].

Различие между Россией и Европой в том, что Европа в силу ее географии месторазвития, напряжения в отдельных этносоциумах и соответственно субгеополитики на территории одного полуострова создала систему государств, западноевропейский мир, который включает государства Европы. В России понятия «этнокультурный» и «этносоциальный мир» совпадают, что создает государство-мир. При создании группы (суперсистемы) государств или народов создается и верхний (второй) этаж. Он находится в системной связи с нижним (первым).

Возникают уровни власти на верхнем и нижнем этажах этого мира. Например, в польском королевстве XI–XIII вв. все понимали, что их король первый в своем королевстве, независимый правитель. Но в Риме есть папа, который и есть тот первый и единственный суверен, а наш король только второй, как бы он ни надувал щеки. И вначале наследник Петра, затем германский император создавали эту точку доминирования власти в Европе. Это понимание власти —

что там есть первый, а здесь второй — означало создание суперсистемы государств единого мира. Это может подразумеваться или предполагаться, закрепляться в системе отношений, а может и не закрепляться. Нет нормы, которая регулировала бы доминирующую роль США в ЕС или России в начале XXI в. на постсоветском пространстве. Формально-юридическая сторона не видит и не всегда зависит от «величины, мощи, фактической силы и могущества» [9, с. 338].

Отличие государства-мира от государства-народа в том, что государство-мир способно и создает самодостаточную культурную, идеологическую и экономическую автаркию. Здесь творческие процессы идут за счет напряжения системы этносоциума и творческих возможностей верхнего этажа данной системы. Донором в данном случае выступал потенциал отбора самой стержневой (великороссы) системы и энергичных выходцев из всех народов, входящих в данную систему и принимающих ценности верхнего этажа власти. Понимание и восприятие идеала власти нижним этажом перерабатываются верхним этажом как более сложным и творческим [10, с. 126].

По П. Н. Савицкому, строению Европы способствовала географическая составляющая, где замкнутые, обособленные мирки обладали большим хозяйственным разнообразием на узком пространстве [11, с. 301]. Здесь система государства занимает свое месторазвитие как синтез этносоциума, социально-исторической среды и занятой территории. Б. Жуневель считает политическое разделение основным, где множество маленьких государств сохранялись «благодаря соперничеству больших; повсюду одна власть сдерживала другую, и крошечные суверенитеты могли укрепиться в промежутках между крупными государствами» [12, с. 387]. На наш взгляд, здесь присутствует и то, и другое. Это синтез темпоральности этносоциумов, создающих квантум власти в определенное историческое время, с адаптацией к определенному месторазвитию.

Верхний этаж создает неповторимую индивидуальность, целостность, идентичность и своеобразие целой системы мира. Эта целостность порождает творческим путем своеобразные качества в виде самовыражения власти и государства как явлений социокультурного мира. В силу творческих процессов второго этажа и в зависимости от стадийного цикла ценности и нормы изменяются. То, что раньше являлось ценностью в другом стадийном цикле, перестает ею быть, и появляются другие. В результате идеалы и ценности второго этажа в силу сложного динамического творчества второго этажа постоянно трансформируются.

При отрыве социальной системы государства от второго этажа и провозглашении абсолютного подлинного суверенитета для власти и правящей группы содержание государства, не получая информацию сверху, начинает упрощаться. Школьная юридическая догматика суверенитета играет с данным понятием злую шутку, когда доведение до «подлинного суверенитета» обрекает творчество системы власти на провинциализм и деградацию. Государственная система, оторвавшаяся от своих, т.е. от второго этажа своего мира, будет упрощаться и обречена на распад. Она может перейти к чужим, но всегда с потерями для себя. То же происходит и с правовой системой.

Список использованных источников

1. *Алексеев, Н. Н.* Русский народ и государство / Н. Н. Алексеев. — М.: Аграф, 1998. — 640 с.
2. *Галимова, Г. Ш.* Учение о суверенитете в трудах ученых-юристов «школы естественного права» и политических мыслителей XVII—XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г. Ш. Галимова. — М., 2011. — 31 с.
3. *Цымбурский, В. Л.* Идея суверенитета в российском, советском и постсоветском контексте / В. Л. Цымбурский // *Мат. науч. сем.*, вып. № 4 (13). — М.: Науч. эксперт, 2008. — С. 9—60.
4. *Хеншел, Н.* Миф абсолютизма: перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / Н. Хеншел. — СПб.: Алетейя, 2003. — 271 с.
5. *Капица, С. П.* Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. — 3-е изд. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 288 с.
6. *Блок, М.* Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. — М.: Наука, 1986. — 232 с.
7. *Еллинек, Г.* Общее учение о государстве / Г. Еллинек. — СПб., 1908. — 599 с.
8. *Алексеев, Н. Н.* Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки / Н. Н. Алексеев. — М.: Зерцало, 2008. — 193 с.
9. *Палиенко, Н. И.* Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение / Н. И. Палиенко. — Ярославль: Тип. Губ. Правл., 1903. — 567 с.
10. *Трубецкой, Н. С.* История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. — М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. — 800 с.

11. *Савицкий, П. Н.* Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.

12. *Жувенель, Б. де.* Власть: естественная история ее возрастания / Б. де Жувенель. – М.: ИРИСЭН: Мысль, 2011. – 546 с.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ

*Т. Н. Михалева, советник Суда Евразийского экономического союза, к. ю. н.*¹

Юридическая конвергенция – процесс сближения в праве, отражает как взаимодействие отдельных элементов национальной правовой системы, так и взаимодействие между отдельными правовыми системами в форме повышения степени связанности и согласованности правового регулирования общественных отношений². Юридическая конвергенция возможна в отношении как отдельных норм в системах права, так и различных правовых систем, не только национальных, но и иного уровня. Это в равной степени относится и к системам права региональных интеграционных объединений.

Конвергенция как категория в праве уже вошла в научный оборот, в первую очередь в компаративистике. Вообще изначально теория конвергенции получила распространение в экономической науке в 1960-х гг. Термин «конвергенция» происходит от латинского *convergere* – сближаться, сходиться. В исследовании интеграционных образований термин «конвергенция» зачастую употребляется наравне с понятиями «гармонизация», «аппроксимация», «унификация», «правовая интеграция» – для описания процессов сближения правовых систем государств, входящих в интеграционные образования. Проблема конвергенции интеграционных правовых систем в науке права пока не исследована. Однако проблема эта не надумана, все чаще звучат высказывания об «интеграции интеграций», и перед учеными-правоведами, таким образом, встает ряд вопросов, среди которых следующие: каковы причины и правовые основы юридической конвергенции в контексте межинтеграционного взаимодействия; носит ли она характер спорадический или объективно обусловлена и предопределена; насколько межинтеграционная

¹ Положения доклада представляют собой частное мнение автора и не являются официальной позицией.

² *Третьякова О. Д.* Понятие правовой конвергенции // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2008. № 3. С. 39.